

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Ю.П. Зинченко

«МЫ ВСЕ ВРЕМЯ ОПАЗДЫВАЛИ И ДОГОНЯЛИ...»

Не секрет, что российская психология переживает сейчас определенный кризис, связанный с необходимостью диалектического перехода от количественных изменений к качественным. О том, какая ситуация сложилась с подготовкой психологов в российских вузах, какие перемены необходимы, мы беседуем с Юрием Петровичем Зинченко, доктором психологических наук, деканом факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, председателем совета по психологии Учебно-методического объединения (УМО) по классическому университетскому образованию в РФ.

«Вестник»: Юрий Петрович, создается впечатление, что сейчас в нашей стране возник кризис перепроизводства психологов. Хорошо это или плохо?

Ю. Зинченко: Действительно, сейчас в нашей стране около 300 вузов занимается подготовкой психологов. В этом есть свои «плюсы» и «минусы». Положительным я бы назвал то, что для качественного пополнения рынка труда всегда должно быть некоторое перепроизводство выпускников. Невозможно привести в соответствие потребность в специалистах и их реальную подготовку. Если, например, нужно пять психологов, то нужно подготовить десять, из них пятеро лучших станут настоящими специалистами.

Кроме того, подготовка психологов универсальна, она охватывает большое количество гуманитарных предметов, и если выпускники не идут работать как психологи, то они, как правило, прекрасно устраиваются в смежных областях: PR, консалтинг, управление персоналом.

Другое дело, что не во всех вузах обеспечивается качественная подготовка психологов. Это заботит и УМО по психологии. Ведь вузы обращаются к нам за получением заключения для Минобрнауки на открытие новых факультетов для подготовки студентов по специальности «психология».

Какой здесь можно найти выход? То, что мы сейчас имеем, — результат политики последних десятилетий, которую проводили как сами вузы, так и министерство. Сейчас мы все чаще сталкиваемся со случаями, когда некачественная подготовка специалистов приводит к дискредитации психологического диплома.

На уровне УМО мы предлагаем провести ревизию подготовки психологов во всех вузах с точки зрения содержания образования. Если министерство вырабатывает общие подходы к подготовке специалистов, то мы хотим выделить те индикаторы, которые позволят определить, в каких вузах готовят настоящему квалифицированных психологов.

Но это не значит, что мы будем закрывать какие-то факультеты или отделения. Здесь нужно идти по нестандартному пути. Ведь мы заботимся не только о «чести своего мундира», но и о потребителе. УМО может разработать систему рейтинга качества подготовки психологов на различных факультетах. С помощью этой системы, которую можно донести до всех желающих, широко публикуя в печати, можно определить, на каких факультетах готовят высокопрофессиональных психологов, а на каких — нет. Многим такая информация может подсказать, какой вуз следует выбирать для обучения. Или выпускников какого факультета можно смело брать на работу.

Аналогичные перечни есть и во Франции, и в Германии. Там собираются данные по всем факультетам, анализируются и на основании этого выстраивается определенный рейтинг. На мой взгляд, только таким способом можно сейчас реально изменить ситуацию. Потому что запреты — это очень болезненная и сложная процедура, и для министерства тоже. Ведь это может быть связано с длительными тяжбами, в том числе и судебными.

А предложенная нами система наведения порядка на рынке подготовки психологов более проста и понятна каждому.

В рамках УМО мы можем провести ревизию и создать рейтинг вузов, который будет отражать реальную ситуацию в сфере подготовки психологов.

«В»: Юрий Петрович, что Вы понимаете под понятием «качественно подготовленный специалист»? Можно готовить психологов, вооруженных глубокими теоретическими знаниями, а можно ограничиваться практическими навыками. Какой должна быть оптимальная подготовка психологов?

Ю.З.: Хорошее образование должно быть дифференцированным. Если мы говорим про классическое университетское образование, то оно подразумевает хорошую фундаментальную подготовку, глубокую эрудицию выпускников. Причем студенты должны изучать не только психологические дисциплины, но и знать иностранные языки, философию, логику, то есть весь «джентльменский» культурный набор, который должен присутствовать не для «галочки», а для будущей успешной работы.

Сейчас мы выпускаем специалистов по специальностям «психология» и «клиническая психология», но непосредственная привязанность к будущей деятельности существует только у клинических психологов.

Выпускники основных вузов получают специальность «Психолог. Преподаватель психологии». Но ее получают и зоопсихологи, и социальные психологи, и психогенетики. На мой взгляд, нужно провести более четкую дифференциацию, которая сказалась бы и на самой подготовке. Специальность в дипломе должна соотноситься с реальной специализацией выпускника. Это поможет и работодателю, и самому выпускнику. Сейчас в высшей школе будут приниматься образовательные стандарты третьего поколения и все это надо обязательно учесть.

Ведь психологическая практика очень разная. Есть медицина, есть оргконсультирование, есть психотерапия, психоанализ. Все это нужно отразить в стандарте. Если мы этого не сделаем, у нас будет такой же «винегрет», как сейчас.

Нельзя забывать и о том, что исторически все стандарты по психологии создавались очень давно,

когда в стране существовало два основных факультета, готовящих психологов, — в МГУ и ЛГУ. И специалистов выпускалось не больше 200 человек в год на всю страну. Соответственно, их подготовка была универсальной.

Сейчас, с массовым привлечением психологов в практику, возникла сложная ситуация: стандарты остаются прежними, и, несмотря на небольшие изменения, они по-прежнему направлены на подготовку «идеального» психолога с фундаментальной подготовкой, который к тому же разбирается во всех отраслях психологии.

Но потребность в такого уровня специалистах очень мала. В рамках прежней модели выпускники воспроизводили психологическое образовательное или научное сообщество: их готовили для научной работы или для преподавания в университетах.

И эта модель сейчас, когда началась массовая подготовка психологов, к сожалению, не претерпела каких-либо существенных изменений. Поэтому молодым специалистам приходится, приходя на работу, в буквальном смысле слова «забывать все то, чему их учили», что, конечно, вызывает претензии со стороны работодателей. Единственное, чем полезно классическое образование: та база, которую имеют специалисты, позволяет им достаточно быстро переключиться на любые виды практики.

Что касается удаленности образования от практики, то надо сказать, что высшее образование напрямую не готовит студента к практической деятельности. Поэтому нужно, наряду с фундаментальным образованием, формировать у студентов умение встраиваться в практическую работу. Именно этот навык мы обязаны формировать в университете: не только научить студентов учиться, но и научить их адаптироваться к той реальной ситуации, в которую они попадают.

Сейчас чаще всего молодой специалист с дипломом психолога, приходя на работу, сталкивается с производственной спецификой, которая может быть достаточно сложной и неадаптированной. Встраивание психолога внутрь существующей организационной структуры и процессов производства будет затруднено, если мы не научим выпускников адаптироваться к любым условиям. Это нужно рассматривать как обязательный профессиональный навык, если мы не хотим получать нарекания со стороны работодателей.

Кроме самих знаний, мы должны учить специалистов презентировать эти знания. Без таких навыков, несмотря на прекрасную подготовку, специалист останется «вещью в себе».

«В»: Но ведь врачи или педагоги, приходя после окончания вуза на работу, не испытывают особых проблем и практически сразу могут начинать самостоятельную работу. У них есть унифици-

рованные методики, программы. Может быть, и психологи должны получать такую подготовку?

Ю.З.: Говоря об унификации, мы затронули достаточно болезненный для всех психологических факультетов вопрос: что такое психология и какой психологии в каждом из университетов готовят? Не секрет, что психология в Московском университете отличается от психологии в Санкт-Петербургском, Ярославском.

Если мы возьмем отдельные разделы: психологию внимания, памяти, то мы столкнемся с проблемой непосредственной зависимости образовательной школы от научной. Ведь факультеты психологии всегда были жестко связаны с научной школой, которая оказывала непосредственное влияние на образовательный процесс.

Часто психологи на выходе из университета имеют знания, строго опосредованные особенностями той или иной научной школы. Та часть факультетов психологии, которая не имеет собственных научных традиций, тоже оказалась в сложной ситуации. Приезжая на УМО, они начинают выяснять, в соответствии с какими традициями им нужно преподавать, например, психологию памяти, внимания, мышления.

Похожая ситуация возникает при получении грифов УМО на учебники и учебные пособия: издания разных вузов по одной и той же проблеме могут содержать достаточно разные, а иногда и противоречивые взгляды.

Поэтому проблема унификации подготовки психологов стоит не только в практической области. Прежде всего, должна быть общая модель построения образовательного процесса на факультетах психологии. Иначе мы по-прежнему будем напоминать «лебеда, рака и щуку». Диалог между научными школами нужно налаживать. Сейчас возникла необходимость выработки общих подходов в подготовке психологов при сохранении особенностей каждой научной школы.

Унификация мне видится, прежде всего, на уровне образовательных программ. Иначе, получив богатый набор знаний, психолог вынужден создавать собственную психологию как теорию и собственную психологию как практику.

К сожалению, большинство специалистов не создает чего-то своего, а идет по наиболее простому пути и пользуется доступными западными технологиями: НЛП, коучинг.

Эти поветрия характерны для психологии в силу ее специфики. В определенный период возникает миф об исключительности той или иной методики и многие встают «под эти знамена». Мы это наблюдали сначала с НЛП. Потом, в связи с развитием выборных технологий, изменений в экономике возникла проблема управления производством. Тогда и «всплыл» коучинг.

Чтобы этого не происходило, психологи должны научиться предвидеть те потребности, которые возникают внутри общества. Пока мы не научимся их предвидеть, нам будут навязывать различные «модные штучки». Без умения предвидеть ситуацию на несколько шагов вперед, отслеживать возможные вызовы и ожидания общества от психологов, мы рискуем превратиться в трансляторов психологических практик, которые не учитывают нашу специфику. Не бывает универсальной технологии, которая решала бы все вопросы: ни психоанализ не может этого сделать, ни НЛП, ни экзистенциальная психология.

Прогнозированием должно заниматься все психологическое сообщество. Нам нужно понимать, какими могут быть общественно значимые потребности в психологических услугах через год, два или три. Только тогда мы будем востребованы. А пока мы все время опаздывали и догоняли... Ведь то же НЛП нам пришлось освоить, чтобы догнать западных специалистов.

Нам нужно учиться грамотно строить отечественные психологические мифы, которые были бы востребованы. То есть формировать разумную конструктивную потребность в психологии, которая решала бы реально существующие проблемы. Мы этим всерьез никогда не занимались. Любой прогноз слегка футуристический, но если психологи не научатся ориентироваться на социальную реальность, они могут потеряться.

У нас был крен в область академической психологии. Это важно и нужно, но ведь не может быть города, состоящего из одних фундаментов. Сейчас нам нужно строить здания. И они должны быть такими, чтобы люди захотели в них жить!

«В»: Юрий Петрович, сейчас в нашей стране работает целая армия психологов. Только в образовании их 64 тысячи. Это люди, которые работают в силу своих возможностей. И то, что их не подготовили нужным образом, не их вина, а их беда. Можно ли им помочь?

Ю.З. Для этих людей нужна четко выстроенная система непрерывного образования и повышения квалификации. Она не нова. Просто нужно грамотно выстроить этот процесс, который был бы корректно встроен в работу практикующих психологов и стимулировался бы как государством, так и мотивацией самих работников. Повышение квалификации можно поощрять и морально, и материально.

С другой стороны, нужно разрабатывать и внедрять систему сертификации.

Это достаточно долгая работа, но нужно выстраивать ее схему и критерии. Тогда профессиональное сообщество может с уверенностью сказать, что оно гарантирует, что тот или иной его представитель может успешно заниматься психологической практикой.

«В»: А кто будет иметь полномочия в разработке критериев эффективности психолога?

Ю.З.: Я думаю, что этим должна заниматься смешанная комиссия. Сначала предстоит выработать систему индикаторов и критериев, решить, чего мы ожидаем от специалиста. В этой работе должны принимать участие и работодатели, и представители вузов и психологическая научная общественность. Эти три группы и должны совместно выработать показатели эффективности для психологической практики.

Но это не значит, что надо ориентироваться только на мнение работодателей: они могут многого и не знать. Надо принимать во внимание не капризы, а разумные и обоснованные предложения, которые они выдвигают в качестве значимых для них индикаторов. В любом случае, это должна быть коллективная работа.

«В»: Но введение сертификации предъявляет новые требования и к подготовке специалистов?

Ю.З.: Конечно, и я надеюсь, что это чуть-чуть разбудит наши факультеты, будет стимулировать их к развитию. Учебные планы и возможные новые специализации и спецпрактики могут выстраиваться по просьбе работодателей.

Можно создать модели экспериментальной подготовки специалистов под конкретный заказ, на базе которых впоследствии могут появиться новые специализации. Мы пока не используем потенциал работодателей как мощный методический инструмент, а лишь рассматриваем их в плане возможного трудоустройства выпускников. Для полезного сотрудничества нужно лишь грамотно наладить диалог, причем он должен проходить на понятном всем языке психологической практики.

«В»: Юрий Петрович, а насколько эта модель близка к реальности?

Ю.З.: Ровно настолько, насколько есть желание ее реализовать. Такое желание есть, безусловно, у самих работодателей. Оно есть и у факультетов, поскольку мы чувствуем, что если не будем учитывать особенности современного рынка труда, то наиболее сильные из потенциальных студентов будут переходить в соседние области: менеджмент, реклама.

Ведь востребованность специалистов на рынке труда зависит от их реальных возможностей. И у факультетов должно возникнуть чувство самосохранения. Ведь если их выпускники не будут востребованы, то факультет может исчезнуть. В первую очередь это относится к небольшим вузам. Им надо предвидеть, что их ждет в будущем, если они не будут учитывать изменения в экономической и социальной сфере, прогнозировать, насколько их выпускники будут востребованы, куда они пойдут работать.

Безусловно, нужны гарантии и со стороны государства по отношению к потребителям психологических услуг. И если Министерство образования и науки РФ займет в этом вопросе принципиальную позицию и сделает психологические услуги сертифицированными, то и специалисты, и потребители будут более защищены. В этой работе может принять участие Общественная палата при Президенте России: эти вопросы уже проговаривались на комиссии по здоровому образу жизни.

Но здесь возникает еще одна проблема: те специалисты, которые давно работают, вполне обоснованно опасаются введения сертификации. Ведь всегда начинаешь думать: «А судьи кто?». Может возникнуть и страх перед самой процедурой. Поэтому надо сделать сертификацию достаточно понятной, прозрачной и тщательно продумать «правила ее игры». Должен быть переходный период: 3—4 года, во время которого часть специалистов будет проходить сертификацию. Это, в свою очередь, должно стать серьезным стимулом для развития системы повышения квалификации и переподготовки действующих специалистов.

Беседовала Ольга Решетникова